

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.М. Нуреев

*д.э.н., заслуженный работник Высшей школы РФ,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)*

Ю.В. Латов

*д.соц.н., к.э.н., главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*

И.Д. Сурхаев

*эксперт, НИФИ Министерства финансов России; аспирант,
Финансовый университет при Правительстве РФ, (Москва)*

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ ГОЛОСОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ ОТ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

Аннотация. Рассматривается влияние развития средств голосования (от собственно «голоса» к материальным носителям и к Интернету) на развитие выборов как социально-политического института. Анализ построен на основе концептов теорий общественного выбора (в частности, формулы Даунса), а также марксизма и постиндустриального общества. Для детализации выгод/издержек механизмов голосования рассмотрено три конкретно-исторических case-study – вече средневекового Великого Новгорода, остракизм в античных Афинах и электронное голосование в современной России. Хотя общий тренд развития технологий голосований прогрессивен, расширяя численность голосующих и меню решаемых вопросов, при смене этих технологий наблюдаются определённые потери. Ключевое внимание уделено цифровизации проведения выборов в начале XXI в. и её противоречивым последствиям. С одной стороны, цифровизация голосования снижает его издержки и даёт шанс на частичное возрождение прямой демократии. С другой стороны, в настоящее время электронное голосование является для россиян (и не только для них) доверительным благом, полезность которого сильно зависит от доверия к организаторам выборов.

Ключевые слова: *голосование, институциональный анализ, социально-политическая история, цифровое общество, общественный выбор, манипуляции голосованием.*

JEL: D72, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_46_59.

При экономическом анализе политических процессов основной акцент чаще всего делают на проблеме эффективности демократии с точки зрения того, насколько демократически принятые решения стимулируют/тормозят развитие национальной экономики (см., например, [Заостровцев, 2018]). Однако у проблемы эффективности демократии есть и другой аспект, более прикладной и реже замечаемый экономистами-теоретиками, – какие материальные и связанные с ними институциональные технологии принятия политических решений лучше позволяют понять «голос народа» и насколько при этом удаётся минимизировать издержки голосования. Именно этот подход, восходящий не только к теории общественного выбора, но и к марксистскому пониманию первичности производительных сил, развитый в теориях постиндустриального общества, будет изложен в нашем анализе основных этапов эволюции «средств производства демократии» и современного их состояния.

Технологии голосования как средства производства демократических политических отношений

Любое коллективное принятие решений с большим количеством участников предполагает использование определённых технологий/инструментов. Те модели общества, где коллективные решения на макроуровне принимаются системно, принято обозначать как демократические. Историю демократии как системы «правил игры» чаще всего рассматривают как результат расширения политической акторности под влиянием социально-экономических факторов: чем активнее роль социальных групп, тем в большей степени они включаются в политическую жизнь на разных уровнях, от общегосударственного до муниципального (марксистский принцип определяющего влияния экономического базиса на политическую надстройку). Однако изучение эволюции демократических институтов обнаруживает и более прямую их зависимость от развития «производительных сил» – через влияние экономических факторов не только на акторов принятия решений, но и на используемые инструменты данного процесса. До XXI в. эта эволюция «инструментов демократии» была малозаметна. Однако в самые последние десятилетия стремительная цифровизация заставляет лучше осознать, что технологии голосования тоже имеют значение, оказывая сильное влияние (как элемент «производительных сил») на политические отношения.

Академический вопрос, в какой степени технологии голосования (Technology Matters) имеют значение для политики, актуализируется для россиян буквально на глазах. Когда в России в сентябре 2021 г. впервые в ряде крупных регионов голосовали «через компьютер» (с помощью браузера на любом гаджете), это сразу начали обсуждать с очень противоречивыми оценками¹. Одни считали новый метод голосования проявлением прогрессивного втягивания России в «цифровое общество», другие – регрессивным усилением контроля авторитарного государства над обществом. В сентябре 2022 г. во время очередных выборов этот метод начал терять ореол новизны, не теряя при этом сомнений в правомерности его применения.

¹ В критике наиболее активную роль играли, как и следовало ожидать, оппозиционные СМИ. См., например: Захаров А., Фохт Е., Голубева А. «Какая проблема перерисовать данные?» Что случилось с электронным голосованием в Москве // Русская служба Би-би-си. 20 сентября 2021 г. (URL: <https://www.bbc.com/russian/features-58631126>); Кузнец Д., Ершов А. Так всё-таки были фальсификации на электронном голосовании — или власти просто мобилизовали на него больше своих сторонников? // Медуза. 24 сентября 2021 г. (URL: <https://meduza.io/feature/2021/09/24/tak-vse-taki-byli-falsifikatsii-na-elektronnom-golosovanii-ili-vlasti-prosto-mobilizovali-na-nego-bolshe-svoih-storonnikov>) («Медуза» признана СМИ, выполняющим функции иностранного агента). Анализ отражения в СМИ начальной стадии внедрения в России дистанционного электронного голосования см. [Федоров, Ежов, 2022].

Чтобы разобраться в сравнительных достоинствах и недостатках цифровизации голосования, авторы предлагают взглянуть на неё как на новую фазу длительной институциональной истории эволюции инструментов (технологий) голосования. Эта история уже стала предметом изучения, но, как правило, лишь в масштабе последних десятилетий, т.е. почти исключительно в контексте развития «E-voting» (см., например, [Electronic Voting and Democracy, 2004; McGaley, 2008. P. 16-17; Gibson, Krimmer, Teague, Pomares, 2016; Федоров, Ежов, 2021]), реже – развития способов автоматизированного голосования [Федоров, 2017; Федоров, 2020]. Единственная монография, специально посвящённая истории технологий голосования [Saltman, 2006], рассматривает её на материалах только США и лишь с XVIII в.

Методы голосования, рассматриваемые с точки зрения различий инструментов подачи мнений, исторически четко делятся на три типа – голосовые, бюллетенные и электронные технологии (табл. 1)². Эти три типа приблизительно соответствуют трём большим прогрессивным формациям в развитии человечества – доиндустриальному, индустриальному и постиндустриальному обществам. Правда, такое соответствие не является точным. В частности, хотя бюллетенные технологии голосования наиболее органичны для институциональной системы индустриального общества, первые примеры их системного использования (пусть и относительно эпизодические) относятся ещё к античным временам.

Таблица 1
Методы голосования

Характеристики	Голосовое	Бюллетени	Электронное
Используемые материальные технологии	Отсутствуют	Простые	Сложные
Количество участников голосования	Не более нескольких тысяч	Не ограничено	
Частота голосований	Слабые ограничения	Сильные ограничения	Отсутствие ограничений
Метод голосования	Только открытое	Открытое или тайное	Только тайное
Специальные требования к участникам голосования	Отсутствуют	Грамотность	Компьютерная грамотность
Точность	Фиксируется только большинство	Фиксируется точное соотношение голосов	

Источник: разработано авторами.

Прогрессивный переход от одной технологии голосования к другой в целом расширяет возможности демократического процесса. Однако смена «правил игры» обычно связана и с определёнными (хотя бы временными) потерями или с появлением новых про-

² Предлагаемая авторами типология отличается от работ В.И. Федорова, где выделено три этапа развития систем автоматизированного голосования – механический, электронный и дистанционный [Федоров, 2017. С. 171-174]. Из этих трёх типов устройств для автоматизированного голосования первые два получили ограниченное распространение и потому не могут рассматриваться как образующие этапы истории методов голосования, а третий соответствует электронному голосованию в предложенной нами типологии. В ней также не учтены технологии выбора при помощи жеребьёвки [Ван Рейбрук, 2018], поскольку принятие решения «по воле случая» предполагает отказ избирателей от выражения *своей* воли. Во многих публикациях дистанционное «Интернет-голосование» отличается от более широкого понятия «электронное голосование», включающего голосование при помощи электронных устройств не дистанционно, а на избирательных участках (как в Бразилии); в предлагаемой авторами типологии эти два понятия рассматриваются как синонимы.

блем. Самый последний (электронный) этап в развитии методов голосования также это демонстрирует.

Рассмотрим далее характеристики каждого из трёх механизмов голосования с точки зрения их сравнительных достоинств и недостатков³.

Голосование как подача голоса (и кулака)

Сущность самого древнего метода голосования отражена в самом современном обозначении этого института во многих языках (не только в русском, но и, например, в английском, где «*vote*» – одновременно и голос, и голосование). Одним из поздних и потому относительно лучше изученных примеров функционирования этого метода является принятие решений на знаменитом новгородском вече (XII–XV вв.), публичном собрании жителей Господина Великого Новгорода – столицы одного из крупнейших русских княжеств. По мнению историков, новгородский опыт сопоставим с функционированием народных собраний в других регионах средневековой России и во многих других странах.

Историки до сих пор дискутируют, было ли новгородское вече примером прямой демократии (когда в принятии решений в принципе мог участвовать каждый взрослый полноправный горожанин) или представительной (когда решения принимали «300 золотых поясов» – ведущие новгородские бояре). Меньше разногласий по поводу механизма принятия решений на вече. Общеизвестно, что при принятии решений не проводили подсчётов голосов «за» и «против» среди тех, кто пришёл на вечернюю площадь по зову колокола, а стремились зафиксировать подавляющее большинство (в идеале – единогласие) по силе криков одобрения в пользу того или иного решения. «Большинство давало себя знать громкими криками, – писал о функционировании новгородского вече правовед-историк О.В. Мартышин. – В случае раскола дело решалось дракой» [Мартышин, 1992. С. 178]⁴.

Подобный механизм голосования, где решения принимаются по принципу «кто кого перекричит» (а нередко и «кто кого побьёт»), может трактоваться как проявление примитивности ранних форм демократии. Действительно, «демократия крика» типична для обществ, где большинство населения неграмотно и не слишком умеет считать, а самое главное, где нет ценности мнения отдельной личности. Однако как раз Великий Новгород отличался, по мнению историков, повышенным уровнем грамотности, так что долгое применение на вече голосования криком вряд ли можно объяснить только недостатками средневекового образования.

На самом деле то, что кажется недостатком «демократии крика (и кулака)», можно одновременно истолковать и как её существенное достоинство, потерянное в более поздних системах голосования. Социологи хорошо знают важный недостаток современной системы всеобщего голосования: принцип «один человек – один голос» не позволяет измерять интенсивность предпочтений голосующих [Нуреев, 2005. С. 215]. Поэтому слабо заинтересованное большинство может одержать победу над меньшинством, которое очень сильно заинтересовано в другом решении. «Первобытные» же системы голосования – голосование «криком», дополненное при отсутствии явного большинства голосованием

³ В описании исторического развития голосового и бюллетенного методов голосования далее использованы некоторые материалы из [Нуреев, 2005].

⁴ Подробное описание методов аккламации (от лат. *acclamatio* «крик»), применяемых при голосовании во многих эпохах и странах, от древней Спарты до современной Швейцарии, см., например, [Лукин, 2014. С. 350-354].

«кулаком», – оказываются, как ни странно, лишёнными этого недостатка⁵. Ведь сильно заинтересованное меньшинство может быть куда более «громогласным», чем вялое большинство. В драке основную роль тоже играла не численность «оппонентов», а их решимость отстаивать свои интересы. А чтобы на исход вечевого поединка меньше влияло материальное положение участников «дискуссии», новгородский обычай запрещал являться на вече в доспехах и с оружием, так что кулачный бой обеспечивал равные возможности представителям всех социальных групп (известны примеры, когда нарушение этого обычая приводило к аннулированию результата «силового голосования»). Мало заинтересованные в каком-то обсуждаемом на вече вопросе могли на это обсуждение просто не явиться, поскольку в Новгороде не было контроля численности участников.

Вечевое голосование «криком и кулаком» предельно демократизировало состав вече – в нём мог участвовать каждый взрослый свободный житель Новгорода, не обязательно грамотный, но «за исключением женщин, чье присутствие было несовместимо с кулачным характером вечевого обсуждения» [Мартышин, 1992. С. 187]. Конечно, если бы число голосующих превысило нескольких тысяч (численность участников новгородского вече оценивают в 3-4 тыс.), то оценка одобрения силой крика теряла смысл: сильные голоса «заднескамеечников» заглушались обычными голосами находящихся в первых рядах. Но поскольку демократии в древности и в средневековье обычно развивались в городских общинах-республиках с населением не больше нескольких десятков тысяч, то голосование «голосом и (иногда) кулаком» вполне соответствовало потребностям вовлечения в управление всего политически активного населения.

Голосование как подача бюллетеня: античное фальстартовое изобретение

Переход от голосования голосом к голосованию при помощи какого-либо материального бюллетеня растянулся, при всей его кажущейся самоочевидности, очень надолго. Такой институциональный сдвиг предполагает не только хотя бы элементарную грамотность *всех* участников голосования, но и наличие предельно дешёвого материала для текстового бюллетеня. Кроме того, переход от голосового к бюллетенному голосованию ведёт к потере возможности учитывать силу предпочтений голосующих. Наконец, отделение момента голосования от подсчёта голосов и обнародования результатов создаёт возможности для злоупотреблений тех, кто считают голоса. Все эти минусы могут перевешиваться тремя плюсами – снятием ограничений на число участников (что стало существенно лишь в новое время), а также возможностью перейти от открытого голосования к тайному и, самое главное, возможностью точного измерения пропорций голосов (что было важно уже в некоторых странах античного мира).

Наиболее ранний хорошо изученный опыт использования бюллетеней – остракизм в Афинах классического периода (V в. до н.э.) [Суриков, 2006]. Важно отметить, что данный метод голосования был не единственным и даже не главным: в афинском народном собрании обычно применялся более простой метод открытого подсчёта «по головам» (по поднятым рукам), направленный на выявление явного большинства [Лукин, 2014. С. 354]

⁵ Исследователями проблем общественного выбора указывается (см., например, [Алискеров, Ортешук, 1995]), что при бюллетенном голосовании тоже можно предложить избирателю не просто отмечать свой выбор, но и оценивать его значимость (например, ставить в бюллетене цифры от «1», если выбор малозначим, до «5», если значимость выбора высока). Но это возможно только при абсолютной честности и высокой рациональности избирателя, поскольку избиратель, склонный к оппортунизму («нечестной игре»), будет легко выигрывать, сознательно завышая свои предпочтения, а низкая рациональность мешает адекватно оценивать интенсивность собственных предпочтений.

и потому близкий к голосовому методу. Но при решении самого важного для афинян политического вопроса – о временном изгнании «опасных» политиков – было важно сосчитать голоса не только максимально точно, но и дать возможность сделать это гражданам по возможности тайно. Поэтому в Афинах в V в. до н.э. существовал порядок: когда влияние какого-либо политика (или политиков) приобретало масштабы, чреватые гражданскими междоусобицами, то проводилось голосование всех граждан по вопросу, не следует ли признать кого-либо к временному изгнанию из полиса. Обладавшие правом голоса писали на любом черепке (*ostraco*) имя того, кто кажется опасным; черепки складывались в урны и потом разбирались выборными политиками (архонтами). Если против какого-либо гражданина было подано не менее 6 тыс. черепков (примерно 1/5 всех потенциальных голосов), он должен был на несколько лет покинуть город [Суриков, 2006. С. 243-255]. Видимо, именно применение принципа порогового значения числа голосов стало главной причиной необходимости точного учёта голосов и изобретения бюллетеней-остраконов.

Помимо Афин, где остракизм проводился приблизительно 18 раз в течение столетия (примерно в 507-415 гг. до н.э.), схожие процедуры применялись и в некоторых других полисах – например, в крымском Херсонесе, где во время раскопок, как и в Афинах, обнаружены многочисленные остраконы. А в последний век Римской Республики (с конца II в. до н.э.) был даже сделан следующий шаг: здесь голосование при помощи табличек постоянно применялось уже во время *всех* выборов мероприятий.

Использование бюллетеней предполагает наличие у граждан образования, достаточного хотя бы для того, чтобы нацарапать на черепке имя того, кто не нравится. В передаче нескольких античных историков (включая Плутарха) известен анекдот об афинском политике Аристиде. Во время проведения очередного голосования-остракизма один неграмотный афинянин обратился к незнакомому гражданину с просьбой написать на его черепке имя «Аристид». «Что плохого тебе сделал этот человек?» – спросил незнакомец, оказавшийся самим Аристом. «Ничего, – ответил неграмотный гражданин. – Но мне надоело слышать, что его постоянно называют Справедливым». Славящийся честностью Аристид написал своё имя на черепке, вернув его неграмотному гражданину. По итогам этого голосования Аристида изгнали из Афин [Суриков, 2006. С. 287-293]. Конечно, подобные анекдотические казусы могли быть только исключениями. Если бы малограмотных оказалось много, то процедура остракизма теряла смысл из-за высокой вероятности фальсификаций (менее щепетильный, чем Аристид, мог бы написать на черепке совсем другое имя). В этом анекдоте также хорошо передан главный недостаток бюллетенной системы, заметный уже на начальной её стадии: голосующий может делать важный общественно-значимый выбор на основании ничтожно низкой личной мотивации.

Античный опыт бюллетенного голосования, предполагающий почти всеобщую грамотность и рациональное стремление к точности, оказался сильным забеганием вперёд, своего рода институциональным фальстартом. Впрочем, и сама античная демократия была в контексте долгосрочных тенденций лишь относительно кратковременным эпизодом на фоне гораздо более длительных периодов господства олигархических и монархических форм власти вплоть до конца античной эпохи, когда в Европе надолго исчезли даже рудименты выборов форм власти.

Голосование как подача бюллетеня: западноевропейское новое начало

Современные технологии выборов генетически связаны не с античными городами-государствами, а со средневековыми городскими республиками Италии. Эта преемственность отражена в самой современной терминологии: «бюллетень» и «баллотирование» происходят от итальянского обозначения шаров для голосования (*ballotta*), используемых, например, в Венецианской республике с XII–XIII вв. для выборов правителя. Но в средние

века выборные технологии оставались в Западной Европе редким исключением на фоне абсолютного доминирования принципов наследования власти или её силового захвата.

Массовизация бюллетенных форм голосования началась в Западной Европе лишь в XVII–XVIII в., когда произошло «второе рождение» демократии – уже как формы власти не в локальном городе-государстве, а в крупной стране (Голландия, Великобритания, Соединенные Штаты и др.). Если в Великом Новгороде несколько тысяч участников могли принимать решения голосом, а в Афинах при голосовании нескольких десятков тысяч граждан лишь эпизодически использовали бюллетени-остраконы, то, например, в Великобритании ещё в начале XIX в. (до парламентских реформ, резко увеличивших число участников парламентских выборов) число избирателей превышало 200 тыс., поэтому без бюллетеней обойтись уже было невозможно. Именно тогда снова стали сходиться воедино такие институциональные факторы демократии, как «массовизация» политической жизни, массовая грамотность и дешевизна бюллетеней (бумажной печати). Этот сдвиг завершился в первой половине XX в., когда грамотность стала всеобщей нормой, исчезли имущественные цензы и гендерные ограничения для участия в выборах.

Основные инструменты демократического голосования до XXI в. мало изменились в сравнении с древнегреческими аналогами. Разница между бумажным бюллетенем и глиняным черепком лишь в том, что бумажное «средство производства демократии» лучше приспособлено для тайного голосования. Но эта возможность стала внедряться довольно поздно, когда обострилась проблема освобождения избирателей от административного контроля. Впервые тайная подача голосов была осуществлена на выборах в Австралии (тогда это была далекая периферия Британской империи) в 1858 г. Затем к «австралийской системе» перешли Великобритания (1872 г.) и США (1884 г.), а к началу XX в. этот институт стал уже общепринятым.

Подсчёт голосов всегда был одним из «узких мест» бюллетенных процедур, порождая опасения, что «важно не то, как голосуют, а то, как считают». Если в античном обществе изобрести методы их фальсификации не успели (хотя есть и противоположное мнение⁶), то в новое/новейшее время разные методы искажения результатов голосования стали одним из главных пороков западной демократии [*Cheeseman, Klaas, 2019*]. Эти методы можно разделить на два типа – обман избирательной комиссии внешними акторами, когда используют фальшивые бюллетени, и обман, осуществляемый самими членами избиркома, которые «рисуют» нужное количество голосов. Однако методы обмана внешними акторами требуют при бюллетенном голосовании привлечения большого количества «поддельных» избирателей, что повышает вероятность раскрытия подделки. «Накручивание» же голосов коррумпированными членами избиркома резко сокращает количество участников фальсификации, но осложняется возможностью пересчёта бюллетеней. В конечном счёте всё зависело от уровня зрелости гражданского общества. Пока оно слабо, политические махинаторы могут активно использовать оба метода, не слишком опасаясь разоблачения (как это было, например, в США до прогрессистского движения). Лишь в XX в., по мере втягивания в политическую жизнь большого количества граждан, махинации с бюллетенями пошли на спад. Это происходило в силу не только повышения гражданского контроля за избиркомами, но и роста числа избирателей до таких размеров, что использование фальшивых бюллетеней теряло смысл.

⁶ Во время археологических раскопок в Афинах в 1937 г. в одном месте нашли около 200 черепков, где повторяющимися «почерками» было написано имя Фемистокла, главного конкурента Аристиды во время того самого остракизма 482 г. до н.э., к которому относится ранее изложенный анекдот. Интерпретации находки разделились: одни считают, что заранее заполненные остраконы готовили для малограмотных и ленивых граждан, которые предпочитали купить непосредственно перед голосованием «заполненный бюллетень»; другие видят в этом свидетельство подготовки мошеннического «вброса», который по каким-то причинам (может быть, из-за гиперчестности Аристиды) сорвался [*Суриков, 2006. С. 281-294*].

От бюллетеней голосования – к электронному голосованию

Принципиально новые «средства производства демократии» появляются только в самом конце XX в. – персональные компьютеры, соединенные Интернет-сетью. Широкая компьютеризация так сблизила число активных пользователей Сети с общей численностью граждан, что цифровизация политической жизни стала лишь вопросом времени.

Первоначально в Интернете организовывались политические опросы, затем началось Интернет-лоббирование [Борисова, 2019]. Уже на президентских выборах 2000 г. в США впервые в истории состоялось голосование по электронной сети – в городах Феникс (Аризона), Сан-Диего и Сакраменто (Калифорния), а также для группы американских военных за рубежом. Ожидалось, что на последующих выборах будет использоваться программное обеспечение для уже общенациональной системы голосования. Но затем в США идею цифровизации голосования стали воспринимать менее восторженно. В последние годы в США электронные технологии голосования (причём не дистанционные, а на избирательных участках, как в Бразилии) используются лишь в восьми штатах (Миссисипи, Нью-Джерси, Техас, Луизиана, Теннесси, Кентукки, Иллинойс и Канзас), не самых ведущих.

Хотя в самих Соединённых Штатах развитие Интернет-голосования затормозилось, на протяжении 2000-2010-х гг. этот родившийся в США институт стремительно «импортировался» в другие страны мира. Наиболее успешным «учеником», обогнавшим «учителя», оказалась маленькая Эстония, которая уже в 2005 г. стала первой в мире страной, где все избиратели получили возможность дистанционно голосовать через Интернет. Это оказалось возможным благодаря сознательному курсу руководства страны на развитие «электронного государства» – на тотальную цифровизацию всех сфер жизни (см., например, [Китсинг, 2007]). На эстонских парламентских выборах 2000-2010-х гг. доля голосов избирателей, поданных через Интернет, неуклонно росла с 6% от общего числа голосов в 2007 г. до 44% в 2019 г. [Федоров, 2019. С. 38]. В большинстве же других стран (в Австралии, Канаде и др.), применяющих дистанционное электронное голосование, оно применяется лишь на муниципальных выборах. Некоторые страны (например, Франция, Мексика) используют его только или преимущественно для граждан, которые находятся за рубежом и не могут присутствовать на избирательном участке.

Новый институт в процессе «импорта» столкнулся даже в самых развитых странах с сильным недоверием. Важно обратить внимание на противоречивый опыт Швейцарии, где массовые голосования (включая референдумы) проводятся многократно каждый год, что объективно должно повышать интерес к упрощению электоральных процедур. В 2000-2010-е гг. в этой стране тоже внедрялось дистанционное электронное голосование, но в 2019 г. было принято решение не вводить его в полной мере. Это сознательное торможение связано с обнаружением специалистами уязвимых мест в системе электронного голосования, устранение которых требует высоких затрат⁷. Но в 2020-2021 гг. из-за COVID-кризиса в Швейцарии стало обсуждаться повторное внедрение электронного голосования. Предполагается, что отчёты тестирования систем электронного голосования на уязвимость будут публиковаться в открытом доступе, чтобы общественность могла оценить их надёжность⁸.

В конце 2010-х гг. институт электронного голосования импортировался с Запада и в Россию. Самый первый широкий опыт дистанционного электронного голосования – выборы в Московскую городскую думу в сентябре 2019 г. в трёх избирательных округах.

⁷ Швейцария пока не будет вводить электронное голосование // SWI Swissinfo. 28 июня 2019 г. URL: https://www.swissinfo.ch/rus/политика-и-общество_швейцария-пока-не-будет-вводить-электронное-голосование/45061866 (дата обращения: 05.12.2021).

⁸ Швейцария и электронное голосование: новый раунд // SWI Swissinfo. 23 декабря 2020 г. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/швейцария-и-электронное-голосование--новый-раунд/46241298> (дата обращения: 05.12.2021).

А ещё через два года, во время общероссийских выборов в Думу и одновременных муниципальных выборов в сентябре 2021 г., возможность дистанционно голосовать через гаджеты получили жители уже семи крупных субъектов Российской Федерации – Москвы, Севастополя, а также Курской, Нижегородской, Ярославской, Мурманской и Ростовской областей. Политическая элита России декларирует намерение догнать в цифровизации голосования Эстонию: в частности, еще в декабре 2020 г. председатель ЦИК РФ Э.А. Памфилова заявила, что к 2024 г. электронное голосование могут внедрить по всей стране⁹. Правда, выборы в сентябре 2022 г. существенного расширения масштабов применения этого института не продемонстрировали: он использовался по-прежнему только в Москве и еще в семи регионах (в Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской и Ярославской областях), набор которых обновился в сравнении с предыдущим годом более чем наполовину.

Чтобы понять перспективы развития электронного голосования, рассмотрим его достоинства и недостатки.

Выгоды и издержки рационального избирателя

Положительные оценки системы электронного голосования связаны в первую очередь с её кажущейся простотой и бесплатностью, что позволяет хотя бы частично решить старую проблему политического абсентизма – отказа значительной доли граждан от участия в выборах.

К ответу на вопрос, почему люди (не) приходят голосовать, есть разные подходы. Чаще всего на этот вопрос отвечают с социологических позиций, указывая на различные культурные нормы. Действительно, для одних людей участие в голосовании есть выполнение гражданского долга, для других – поддержка демократических институтов, для третьих – проявление лояльности «своей» партии, для четвертых – возможность выразить протест против существующей ситуации. Участие в голосовании трактуется как проявление социализации (следование принятым «правилам игры»), а отказ – как антисоциальное поведение.

Иной подход предложили более полувека назад основоположники теории общественного выбора (Public Choice). Исходя из аксиоматического для «экономикса» принципа первичности в конечном счёте личных материальных стимулов, поведение избирателя было предложено интерпретировать как стандартное стремление к личной выгоде. Такая модель, выраженная известным британским экономистом-политологом Энтони Даунсом¹⁰ в «Экономической теории демократии» [Downs, 1957] в виде лаконичной формулы соотношения выгод/издержек от голосования, помогает лучше понять причины политического абсентизма и влияние на него Интернет-голосования.

Поведение рационального избирателя выражается формулой Э. Даунса следующим образом:

$$R = p \times B - C + D,$$

где R – чистая выгода от участия индивида в выборах; p – вероятность, что голос избирателя окажет воздействие на исход голосования; B – общая (получаемая избирателем как членом общества) полезность от участия в выборах; C – издержки индивида от участия в выборах; D – конкретная (личная) полезность от участия в выборах.

⁹ ЦИК допустила внедрение онлайн-голосования в масштабах страны к 2024 году // РБК: 23 декабря 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2020/5fe31ba99a79476f1e4deaa4> (дата обращения: 05.12.2021).

¹⁰ Выдающийся британский экономист-политолог Энтони Даунс (1930–2021), один из основоположников теории общественного выбора, ушёл из жизни в октябре позапрошлого года.

Согласно логике экономического подхода, если издержки C превысят суммарные выгоды $p \times B + D$, то рациональный индивид откажется от участия в голосовании. Эта формула, отражающая «правила игры» традиционного бюллетенного голосования, позволяет систематизировать те соображения о поведении избирателей, которые известны политологам не одно столетие. Дело в том, что для многих граждан полезность участия в голосовании не очевидна, в то время как затраты гораздо более понятны.

Затраты на само бюллетенное голосование в современных условиях невелики, поскольку избирательные участки стараются создавать в пешей доступности. Но чтобы компетентно участвовать в голосовании, нужно тратить время на изучение информации о предстоящих выборах (платформах разных партий, характеристиках депутатов и т.д.). Эти затраты гораздо ниже у тех, кто находится в состоянии политической включённости – постоянно следит через СМИ за политической повесткой дня. Но отнюдь не все избиратели желают тратить на это время.

Если уровень своих затрат на голосование «простой» гражданин ещё более-менее представляет, то ожидаемые выгоды от своего участия в выборах он часто представляет гораздо хуже. Гражданин может просто не понимать общую полезность (принимать, что $B = 0$), особенно если голосование происходит по вопросам, далёким от его повседневной жизни. Ещё хуже то, что p – вероятность решающей роли голоса отдельного избирателя – объективно стремится к нулю¹¹. Поэтому даже если на голосовании стоит важный и понятный вопрос (например, о выборе главы страны), то рациональный избиратель всё равно может отказаться идти на избирательный участок, считая, что правильное решение и так примут без учёта его голоса. Если восприятие параметра B можно улучшить, повышая образование избирателя, то на восприятие параметра p оно будет влиять обратным образом (лучше образованный лучше понимает объективную ничтожность влияния своего голоса среди миллионов других голосов).

Если $p \times B$ стремится к нулю, то напрашивается парадоксальный вывод: рациональный избиратель вообще не должен, принимая решение о (не)участии в голосовании, рассчитывать оказать влияние на исход выборов. Для принятия решения ему достаточно сравнить лишь D и C . Он будет голосовать, только если $D - C > 0$, причём превышение частных выгод над затратами должно быть существенным (эффект порога).

Конечно, такая парадоксальная экономическая модель не отрицает значимости социальных факторов (в частности, чувств гражданского долга и/или лояльности к существующей политической власти). Но если из-за высокого отчуждения граждан от власти социальные стимулы слабы, то остаётся «голая» прагматика – оценка соотношения затрат и выгод. Между тем ослабление социальных стимулов, связанное с заметным истощением потенциала традиционной модели представительной демократии, заметно в последние десятилетия и в России, и на Западе.

Электронное голосование – шанс на возрождение прямой демократии или очередная «дорога к рабству»?

Цифровизация политической жизни – очевидный инструмент существенного снижения издержек участия в голосовании. С одной стороны, резко сокращаются издержки самого голосования: избирателю достаточно 10-и минут, чтобы авторизоваться на сервере «Госуслуги», сделать пометки на электронном бюллетене и отправить его в базу данных.

¹¹ Ещё до работы Э. Даунса было замечено, что вероятность оказать решающее влияние на голосование близка к вероятности попасть под машину по дороге на избирательный участок, а следовательно ожидаемые потери от участия в голосовании заведомо превосходят ожидаемые выгоды [Мюллер, 2007. С. 410-411].

С другой стороны, регулярное онлайн-чтение СМИ поддерживает высокую политическую включённость, облегчая рациональный выбор при голосовании.

Интернет-голосование облегчает и «завлечение» избирателя частными выгодами, что хорошо показали последние российские выборы, когда, например, московские участники Интернет-голосования автоматически становились участниками розыгрыша призов. Конечно, самые ценные призы получали очень немногие. Зато самые дешёвые призы¹² были массовыми, так что среди москвичей «призер» имелся в 2021 г. едва ли не в каждой второй семье, где голосовали электронно, а в 2022 г. ещё чаще¹³. Таким образом, российский опыт показал, что электронное голосование, совмещённое с лотереей призов, позволяет снижать почти до нуля издержки участия (уменьшать параметр C из формулы Даунса), одновременно обеспечивая вполне приличную ожидаемую частную выгоду (увеличивать параметр D)¹⁴.

Результаты этого первого в России широкомасштабного электронного голосования допускают две противоположные интерпретации.

С одной стороны, на развитие электронного голосования можно смотреть как на возможность частичного возвращения к прямой демократии, как в древних Афинах (см. обсуждение этой перспективы [Руденко, 2006]). Принципы прямой демократии получают шанс на «вторую жизнь», поскольку виртуальное голосование можно проводить очень быстро, часто и с минимальными издержками. Совершенствование «средств производства демократии» делает возможным не только частое проведение референдумов, но и, например, прямое волеизъявление граждан-налогоплательщиков о предпочитаемых направлениях использования бюджетов администраций разного уровня [Сурхаев, 2021]. Поскольку сохраняется главное ограничение на политическое участие, связанное с ограниченностью личных компетенций и желаний граждан, то «второго издания» прямой демократии по мере роста E-government следует ожидать в первую очередь на низовом (муниципальном) уровне. Ведь именно на этом уровне гражданин может получать от участия в выборах значимую и понятную общую полезность (иметь высокое значение параметра B из формулы Даунса) и с более высокой вероятностью (из-за меньшего количества голосующих) влиять на исход выборов (иметь высокое значение p).

С другой стороны, критическое обсуждение результатов первых в России широкомасштабных электронных выборов в 2021 г. показывает, что их развитие может вести к частичной регенерации не античной прямой демократии, а ещё более древнего «азиатского деспотизма». Критики сентябрьских выборов отмечают, что электронное голосование дало подозрительный результат – увеличение доли голосов за «Единую Россию» при снижении доли голосов за КПРФ (самого сильного оппонента партии власти)¹⁵. Это может объясняться тем, что в электорате КПРФ преобладают пожилые люди, компьютерно малограмотные, а «с пелёнок» компьютеризованные молодые специалисты часто

¹² В 2021 г. минимальный выигрыш составлял 10 тыс. баллов, на которые можно покупать продукты и т.д. по курсу 1 балл = 1 руб. В 2022 г. балльные выигрыши варьировались от 3 тыс. до 10 тыс.

¹³ На сервере «Миллион призов» сообщается, что среди принявших участие в дистанционном электронном голосовании 17-19 сентября 2021 г. «победителями стали 250.121 человек, среди которых 100 выигравших автомобили, 21 участник, выигравший квартиру, и 250 тыс. победителей, выигравших призовые баллы» (URL: <https://ag-vmeste.ru/events/5>). Поскольку в Москве электронно голосовало приблизительно 2 млн, приз получал примерно каждый 8-й из них. Во время выборов 9-11 сентября 2022 г. в столице «победителями стали 646.100 человек, среди которых 100 человек выиграла автомобиль и 646.000 выиграла призовые баллы» (URL: <https://ag-vmeste.ru/events/22>).

¹⁴ В частности, в Москве в 2021 г. ожидаемая полезность (сумма перемножений вероятности выигрышей на их величины) составляла около 1,5 тыс. руб.

¹⁵ Аналогичный сдвиг в пользу провластных кандидатов наблюдался и при электронном голосовании во время выборов в Московскую городскую думу в 2019 г.

работают в госструктурах и потому чаще лояльны к существующему режиму¹⁶. Но в принципе возможно и иное объяснение – что компьютеризация позволяет властям избавиться от контроля над «вбросами» голосов. Такое подозрение связано с тем, что механизм электронного голосования доступен только специалистам, причём по соображениям безопасности доступ к кодам специальных программ имеет очень узкий круг профессионалов, работающих на государство. Если принципиально нельзя «вручную» пересчитать голоса, доверие граждан к результатам электронного подсчёта голосов *очень* сильно зависит от доверия государственным институтам. А это доверие в современной России невысоко и имеет тенденцию к снижению. Причём Центральная избирательная комиссия пользуется среди других госинститутов едва ли не самым слабым доверием (по данным опроса в 2021 г., ей доверяли лишь 28% россиян [Латов, 2021. С. 165-170]). Поэтому результаты электронного голосования в современной России (независимо от того, насколько честно оно *на самом деле* проводятся) обречены становиться мишенью критики оппозиционных кругов. Такие подозрения в специально организованных властями искажениях (и даже фальсификациях) типичны, похоже, для *всех* стран, внедряющих электронное голосование (включая США) [Harris, 2004; Грачев, 2011], поскольку недоверие граждан к власти имущим – общемировая тенденция.

Итак, первое двадцатилетие внедрения качественно новых инструментов голосования показывает, что камнем преткновения являются не технические, а социальные факторы. Электронное голосование представляется вполне адекватным институтом для «грядущего постиндустриального общества», где основная масса населения станет «креативным классом» – людьми не только технологически грамотными, но и, самое главное, социально ответственными, с высоким человеческим и социальным капиталом. Но это общество и этот класс пока переживают лишь начальные стадии становления. Поэтому и новые «средства производства политической власти», технологии электронного голосования, пока ещё не столько решают старые проблемы, сколько генерируют новые.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алескеров Ф., Ортешук П. (1995). *Выборы. Голосование. Партии* [Aleskerov F., Orteshuk P. (1995). Elections. Vote. Party]. – М.: Academia.
- Борисова А. (2019). Цифровые технологии в предвыборных кампаниях США [Borisova A. (2019). Digital technologies in the US election campaigns] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 10. С. 59-66.
- Ван Рейбрук Д. (2018). *Против выборов* [Van Reybrook D. (2018). Against the elections]. – М.: Ад Маргинем.
- Грачев М.Н. (2011). Электронное голосование: «За» и «Против» [Grachev M.N. (2011). E-voting: the pros and cons] // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. № 1. С. 360-366.
- Заостровцев А.П. (2018). Экономисты об эффективности демократии: дискуссия на рубеже веков [Zaostrovstsev A. (2018). Economists on the effectiveness of democracy: debate on the turn of the century] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 8-27.
- Китсинг М. (2007). Факторы успеха в становлении электронного государства в Эстонии [Kitsing M. (2007). Explaining e-government success in Estonia] // *Политическая наука*. № 4. С. 97-122.
- Латов Ю.В. (2021). Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) [Latov Y.V. (2021). Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring)] // *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 161-175.
- Лукин П.В. (2014). *Новгородское вече* [Lukin P.V. (2014). Novgorod veche]. – М.: Академический проект.

¹⁶ Более критическая интерпретация лоялизма молодых специалистов при электронном голосовании связана с предположением, что внедрение онлайн-голосования даёт возможность «начальству» напрямую контролировать, как голосуют их сотрудники (например, заставляя их голосовать прямо на рабочем месте) [Gritsenko Wijermars, Kopotev, 2021. P. 25].

- Мартышин О.В. (1992). *Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики* [Martyshin O.V. (1992). Volny Novgorod. Social and political system and the law of the feudal republic]. – М.: Российское право.
- Мюллер Д. (2007). *Общественный выбор III* [Mueller D. (2007). Public Choice III]. — М.: ГУ-ВШЭ.
- Нуреев Р.М. (2005). *Теория общественного выбора. Курс лекций: учебное пособие для вузов* [Nureev R.M. (2005). Public Choice Theory. Course of lectures: textbook for universities]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Руденко В.Н. (2006). Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) [Rudenko V.N. (2006). New Athens, or electronic republic (on prospects of direct democracy development in modern society)] // *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 7-16.
- Суриков И.Е. (2006). *Остракизм в Афинах* [Surikov I.E. (2006). Ostracism in Athens]. – М.: Languages of Slavic Cultures]. – М.: Языки славянских культур.
- Сурхаев И.Д. (2021). Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных как инструмент повышения качества управления общественными финансами [Surkhaev I.D. (2021). Rating of the constituent entities of the Russian Federation by the level of openness of budget data as a tool for improving the quality of public finance management] // *Мировой финансовый рынок и Россия*. Т. 2. Отв. ред. Е.А. Звонова, А.Г. Глебова. — М.: КНОРУС.
- Федоров В.И. (2017). Электронное голосование: идея фикс или основа демократии будущего [Fedorov V.I. (2017). Electronic voting: a fix idea or the basis of future democracy] // *Гражданин. Выборы. Власть*. № 1-2. С. 170-183.
- Федоров В.И. (2019). Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы [Fedorov V.I. (2019). Remote Electronic Voting and Voter Turnout: The Experience of Estonia and Moscow] // *Избирательное законодательство и практика*. № 4. С. 37-42.
- Федоров В.И. (2020). Проекты по автоматизации голосования в исторической ретроспективе [Fedorov V.I. (2020). Projects for the automation of voting in a historical perspective] // *Гражданин. Выборы. Власть*. № 1 (15). С. 34-55.
- Федоров В.И., Ежов Д.А. (2021). Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации [Fedorov V.I., Ezhov D.A. (2021). Evolution of electronic voting in Russia: problems of classification and periodization] // *Вестник Московского государственного областного университета*. № 1. С. 146-162.
- Федоров В.И., Ежов Д.А. (2022). Особенности репрезентации дистанционного электронного голосования в сознании российского электората: результаты анализа социальных медиа [Fedorov V.I., Ezhov D.A. (2022). Features of remote electronic voting representation in the minds of the Russian electorate: results of social media analysis] // *Вестник Московского государственного областного университета*. № 1. С. 65-83.
- Cheeseman N., Klaas B. (2019). *How to Rig an Election*. – New Haven, London: Yale University Press.
- Downs A. (1957). *An Economic Theory of Democracy*. – N.Y.: Harper.
- Electronic Voting and Democracy. A Comparative Analysis* (2004). / Eds. N.Kersting, H.Baldersheim. – Basingstoke: Macmillan Publishers Ltd.
- Gibson J.P., Krimmer R., Teague V., Pomares J. (2016). A review of E-voting: the past, present and future // *Annals of Telecommunications*. Vol. 71. P. 279-286.
- Harris B. (2004). *Black Box Voting: Ballot Tampering in the 21st Century*. Renton, WA.
- McGaley M. (2008). E-voting: an immature technology in a critical context // *Maynooth University Research Archive Library*. URL: <https://mural.maynoothuniversity.ie/1486/1/mmcgaley-phdthesis08.pdf> (accessed 14.09.2022).
- Saltman R.G. (2006). *The history and politics of voting technology: in quest of integrity and public confidence*. – N.Y.; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan.

Нуреев Рустем Махмутович

nureev50@gmail.com

Rustem Nureev

Dr. Sci. (Econom.), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Economic Theory Financial University under the Government of the Russian Federation Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

nureev50@gmail.com

Латов Юрий Валерьевич

latov@mail.ru

Yury Latov

Dr. Sci. (Sociol.), Senior Researcher Institute of Sociology FCTAS RAS

latov@mail.ru

Сурхаев Ислам Даниялович

surkhaevislam@mail.ru

Islam Surkhaev

Expert at the Scientific Research Institute of the Ministry of Finance of Russia, Postgraduate student at the Department of Economic Theory Financial University under the Government of the Russian Federation

**INTERFERENCE OF VOTING MEANS AND POLITICAL RELATIONS
IN PERSPECTIVE FROM PRE-INDUSTRIAL TO POST-INDUSTRIAL SOCIETY**

Abstract. The influence of the development of voting tools (from the «voice» itself to material media and to the Internet) on the development of elections as a socio-political institution is considered. The analysis is based on institutional approaches – in particular, the concepts of theories of post-industrial society and public choice (in particular, Downs' formula). To detail the pro/contra of voting mechanisms, three specific historical case-studies are considered – the veche of medieval Veliky Novgorod, ostracism in ancient Athens and electronic voting in modern Russia. Although the general trend in the development of voting technologies is progressive, expanding the number of voters and the menu of issues to be resolved, when these technologies change, there are both certain losses and costs of changing the «rules of the game». The main attention is paid to the digitalization of elections at the beginning of the XXI century and the conflicting implications of this shift. On the one hand, digitalization of voting offers a chance for a partial revival of direct democracy. However, on the other hand, at present, electronic voting is a trusting good for Russians, the usefulness of which directly depends on the trust in the organizers of the elections.

Keywords: *voting media, institutional analysis, socio-political history, digital economy, public choice, vote manipulation.*

JEL Classification: D72, B52.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нуреев Р.М., Латов Ю.В., Сурхаев И.Д. Взаимовлияние средств голосования и социально-политических отношений в перспективе от доиндустриального к постиндустриальному обществу // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 46–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_46_59.

FOR CITATION: Nureev R., Latov Y., Surkhaev I. Interference of voting means and political relation in perspective from pre-industrial to post-industrial society // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 1. Pp. 46–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_46_59.